

История

Правовой статус русской военной эмиграции в советско-китайских отношениях 1929–1931 гг.

© 2015

Е. Наземцева

Статья посвящена проблеме правового статуса русской военной эмиграции, деятельности ее представителей, направленной на срыв советско-китайского сотрудничества по стабилизации обстановки в Маньчжурии. Особое внимание уделено политике китайских властей в отношении русской военной эмиграции, выявлению степени влияния проблемы гражданства на советско-китайские дипломатические отношения в 1929–1931 гг.

Ключевые слова: русская эмиграция, Китай, СССР, правовое положение, международные отношения, дипломатия.

Крушение Российской империи в ходе революций 1917 г. и Гражданская война привели к серьезным политическим и социальным последствиям не только для нашей страны, но и для всего мира в целом. Одним из важнейших в этом плане стало правовое положение русских эмигрантов. Данная проблема стала существенным фактором советской внешней политики в 1920–1930-е гг., в том числе и на Дальнем Востоке.

В последние годы правовое положение русской эмиграции освещается во многих исследованиях¹. Однако основное внимание уделяется, как правило, правовому положению гражданских беженцев, репатриации, реэмиграции, социальным последствиям нерешенности правовых вопросов эмигрантского существования. Между тем, «за кадром» остается дипломатическая составляющая проблемы, а также правовой статус представителей военной эмиграции. В статье поставлена задача охарактеризовать особенности правового положения русских военных эмигрантов на Дальнем Востоке после советско-китайского конфликта на КВЖД² до оккупации Маньчжурии Японией, осветить политику китайского руководства в решении проблемы гражданства представителей русской военной эмиграции, активно действовавших против СССР, выявить степень ее влияния на советско-китайские дипломатические отношения в 1929–1931 гг.

По данным китайской стороны — Полицейского управления ОРВП — количество русских эмигрантов в Маньчжурии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. было весьма значительным. Только состав населения г. Харбина в июне 1929 г. характеризовался сле-

---

Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (НИИВИ ВАГШ ВС РФ). E-mail: elenanazz@mail.ru.

дующими данными: советских граждан — 26 759; эмигрантов — 30 362³. Русский эмигрант О. Лешко приводит более полные сведения о численности: к 1931 г. в Маньчжурии проживало следующее количество иностранцев: русских эмигрантов — 100 000 человек, советских подданных — 80 000, японцев — 5000, прочих — 3000⁴. Документы советской разведки свидетельствуют о том, что общее число русских эмигрантов в Северной Маньчжурии в этот период определялось приблизительно в 70 000 человек. Из указанного числа около 10 000 человек могли находиться во всевозможных партизанских отрядах⁵. Кроме того, по данным СОУ ОГПУ⁶ от 31 июля 1930 г., направленным А.Х. Артузовым в НКВД Л.М. Карахану, за время конфликта «из Маньчжурии было вывезено служащих полиции — 90 человек, из них расстрелян — 1, белых вывезено — 244, из них китподданных — 96, бесподданных — 129, совподданных — 19; из общего числа расстреляно китподданных — 59, бесподданных — 90, совподданных — 4; осуждено на разные сроки в к/л китподданных — 33, бесподданных — 32, совподданных — 9; под следствием китподданных — 4, бесподданных — 7, совподданных — 5, освобожден — 1»⁷.

Конфликт 1929 г. на КВЖД усложнил правовое положение русских эмигрантов в Китае. Обострились противоречия между советской и эмигрантской колониями. Русское население в Северной Маньчжурии разделилось на две группы: 1) совподданные, 2) китподданные и эмигранты (т.е. бесподданные). В первой группе среди совподданных имела группа лиц, принявших подданство для того, чтобы остаться на службе КВЖД. Эмигранты второй группы делились на две основные категории также по политическим мотивам. Одна — так называемые «кирилловцы», имела небольшое число последователей, признавших Кирилла Владимировича всероссийским императором; вторая — «николаевцы» — основная масса эмигрантов, признавшая верховным вождем Николая Николаевича. Главной базой формирования белопартизанских отрядов в Маньчжурии продолжал оставаться г. Харбин. Кроме того, бывшие белогвардейцы были сосредоточены в следующих пунктах на линии КВЖД: на Воронцовских концессиях, станциях Маньчжурия, Хайлар, Мулин, Пограничная, Куаньченцы, Бухэду, Тяньцзинь.

Воронцовские концессии ранее принадлежали братьям Воронцовым, в конце 1920-х гг. перешли товариществу «Китайско-восточное Хайлинское лесопромышленное товарищество». Лесозаготовки на них производились китайскими рабочими и белыми, численность последних составляла около 600 человек⁸. На концессиях имела охрана, которая целиком состояла из русских эмигрантов, начальником охраны являлся полковник А.Д. Размахнин. На Воронцовских концессиях комплектовали свои отряды эмигранты Бянкин, А.И. Пешков, Гордеев и др. Оказывало содействие в вооруженной борьбе с СССР и население концессий⁹.

Из «Доклада о работе по борьбе со шпионажем и бандитизмом на Дальнем Востоке за период 1923–1930» следует, что после событий на КВЖД часть совподданных перешла в лагерь белых, «проявляя большую активность в розыске и арестах оставшихся сторонников СССР»¹⁰.

Другим последствием конфликта стала «чистка» КВЖД от «чуждого элемента». Советская сторона требовала от китайских властей выполнения всех пунктов Хабаровского протокола¹¹. Советские граждане, не прекратившие работу в период активной фазы противостояния, увольнялись. Формально увольнение обосновывалось отказом ЦИК СССР в ходатайстве о принятии их в советское гражданство. В результате служащих увольняли как «бесподданных», то есть без выплаты пособия¹². Увольнялись и эмигранты, а также русские китподданные, принятые на службу во время конфликта. Обращение в Правление КВЖД с просьбами защитить их права оставались без внимания¹³.

После конфликта правовой статус русской эмиграции стал своеобразной козырной картой в политике китайских властей. В особенности это касалось представителей ее военной части. Сложившаяся ситуация отражалась не только на положении самих эмигрантов, но и на советско-китайских отношениях в регионе. Поскольку Маньчжурия оста-

валась в сфере интересов российской стороны, обострение ситуации в этой части границы советскому руководству было невыгодно. Между тем, несмотря на фактическое поражение при урегулировании конфликта на КВЖД, китайские власти не торопились выполнять свои обязательства.

Согласно п. 4. Хабаровского протокола китайские власти обязались немедленно разоружить белогвардейские отряды и выслать из пределов трех восточных провинций их организаторов и вдохновителей. В приложении к этому протоколу содержался список организаторов, подлежащих немедленному выселению.

Представители китайского руководства утверждали, что они полностью выполняют условия Хабаровского протокола. Например, в своей ноте от 9 октября 1930 г. Мукденское правительство заявило, что им посылаются войска для преследования и изгнания белогвардейских отрядов, и что оно разыскивает лиц, перечисленных в приложении к упомянутому протоколу, на предмет высылки¹⁴.

Между тем, по имевшимся у советской стороны сведениям, глава белогвардейской банды, действовавшей на западной линии Китайско-Восточной железной дороги — Пешков прибыл в Хайлар в штаб генерала Су. Здесь ему было выдано денежное вознаграждение и предложена служба в цицикарских войсках. Участники банды остались в Трехречье, причем китайские власти выдали каждому из них деньги на оформление китайских паспортов. Кроме того, через посредство Пешкова китайские власти вели переговоры с главарем другого белогвардейского отряда — И.И. Зыковым о «почетной сдаче» на тех же условиях. Третий белогвардейский отряд — Алла-Верды находился в районе Хайлар и беспрепятственно занимался грабежом¹⁵.

Оформление китайских паспортов эмигрантами исключало возможность полной ликвидации их отрядов, поскольку они попадали под юрисдикцию китайских законов. Разумеется, это вызывало недовольство советской стороны.

Правительство СССР вынуждено было заявить протест против явного нарушения китайскими властями в Маньчжурии своих прямых обязательств в отношении ликвидации белого бандитизма, указав на то, что это представляет «серьезную опасность для сохранения мира и порядка на Дальнем Востоке и добрососедских отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем»¹⁶. 5 сентября 1930 г. протест по поводу деятельности эмигрантских отрядов комиссару провинции Гири Чжун Юю заявил советский консул в Харбине Б.Н. Мельников¹⁷. Кроме того, в ноте от 30 декабря 1930 г., переданной Генеральным консулом СССР в Мукдене А.А. Знаменским уполномоченному Министерства иностранных дел Ван Цзинхуану, советская сторона напоминала о заверениях Мукденского правительства относительно недопущения выступления белых или покровительства им, и ожидала, что оно «подтвердит эти свои заверения принятием действительных мер к полной ликвидации белогвардейских отрядов и, в частности, немедленным арестом, привлечением к уголовной ответственности и высылкой за пределы Северо-Востока как самого Пешкова, так и его ближайших помощников, а равно и руководителей других белогвардейских банд»¹⁸. Однако этого не произошло.

Двойственность политики китайского руководства проявлялась и в отношении увольнения тех русских, которые находились на службе в китайских государственных структурах, в частности, в полиции.

Согласно приложенным к Пекинскому соглашению от 31 мая 1924 г. нотам, китайская сторона обязалась «прекратить службу тех бывших русских подданных, которые персонально и по своим действиям составляют угрозу безопасности Союза Советских Социалистических Республик». Данное обязательство подтверждалось декларацией, приложенной к Мукденскому соглашению от 20 сентября 1924 г. и предусматривающей «принятие необходимых мер к пресечению или прекращению службы» бывших подданных России, состоящих на различных правительственных службах трех восточных про-

винций Китайской Республики, так как они представляют угрозу интересам Союза Советских Социалистических Республик¹⁹.

В ноте от 7 октября 1930 г., направленной председателю политического комитета и главнокомандующему всеми вооруженными силами Северо-Востока маршалу Чжан Сюэляну, советское руководство констатировало, что «ни одно из обязательств, принятых на себя китайскими властями, не было ими выполнено, несмотря на неоднократные напоминания и требования Союзного правительства»²⁰. Советская сторона располагала фактами, свидетельствующими о «совершенно беспрепятственной и безнаказанной антисоветской работе белой эмиграции Маньчжурии, как равно и о том, что именно за последнее время эта антисоветская работа усилилась»²¹. Советские дипломаты обращали внимание на то, что белогвардейские отряды, действовавшие в районе КВЖД, получали активную поддержку и помощь со стороны русских белых, служащих в китайской полиции и в китайских правительственных учреждениях и одновременно являющихся активными членами белогвардейских организаций. Кроме того, по мнению советского руководства, именно русские, находящиеся на китайской службе, вели параллельно «самостоятельную подрывную работу, преследуя советских граждан и провоцируя трения и конфликты между Советским Союзом и Китаем»²².

Характерным примером такой работы являлась попытка белогвардейцев, состоящих на службе в Харбинском сыскном отделении, напечатать и пустить в обращение листовку, призывающую к всеобщей забастовке на КВЖД. Советское правительство расценило это как очередную провокацию, являющуюся следствием «полной безнаказанности» благодаря принятой китайским правительством политике в отношении белых, что в свою очередь представляло «серьезную опасность для сохранения мира и порядка на Дальнем Востоке и добрососедских отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем»²³. В связи с этим советская сторона заявила очередной решительный протест «против безнаказанности вышеуказанной деятельности белогвардейцев» и настаивала на выполнении Мукденским правительством своих договорных обязательств. Советское руководство также требовало «немедленного принятия китайскими властями самых решительных и действительных мер для ликвидации вышеуказанной деятельности белогвардейских организаций и банд». В частности, оно настаивало на «немедленном разоружении и роспуске существующих белогвардейских банд и высылке их участников из пределов трех восточных провинций; на закрытии функционирующих в Маньчжурии антисоветских белогвардейских организаций, с конфискацией их имущества и арестом и высылкой руководителей и активных членов; на увольнении русских белых, состоящих на китайской службе и являющихся одновременно активными участниками белогвардейских организаций и на решительном пресечении антисоветской кампании белой прессы, издающейся в Маньчжурии»²⁴.

В ответной ноте особоуполномоченного МИД в Ляонине Ван Цзинхуана от 9 октября 1930 г. на имя генконсула СССР А.А. Знаменского отмечалось, что китайской стороной давно принимались меры в целях прекращения деятельности белых. В частности, о поименованных в Хабаровском протоколе белогвардейцах своевременно было сообщено администрации Гиринской и Хэйлунцзянской провинций и Особого района для надлежащей высылки перечисленных лиц. В ноте указывалось о мероприятиях по их поиску для выполнения отданного предписания²⁵. О белых русских, находящихся на службе в китайской полиции или в других правительственных учреждениях, китайское руководство уклончиво заявляло, что «лица, работающие в настоящее время в г. Харбине, представляют старых жителей, поселившихся здесь много лет назад». Тогда «Китай подошел к ним со стороны общечеловеческой морали и принял их на работу. Все желания этих лиц сводились к тому, чтобы получить средства для своего существования, поэтому они не должны относиться враждебно к Советскому Союзу и Китаю. И потому было бы несоответственным началом великодушия всех их изгнать без точных оснований. Одновре-

менно, разумеется, необходимо тщательно наблюдать за их деятельностью. Если они будут спокойно исполнять свои обязанности, то неудобно всех их уволить. Но не будет дано никакого снисхождения, как только обнаружатся со стороны этих служащих какие-либо неправильные действия»²⁶.

В деле подготовки и печатания провокационной прокламации от имени якобы коммунистов, в действительности же изготовленной русскими белыми — служащими в Харбинском сыскном отделении, «Управление полиции Особого района установило, что это явилось результатом личной работы некоторых лиц в целях мошеннического обмана и получения денег». Китайские власти утверждали, что организаторы и исполнители уже наказаны по закону. Кроме того, по поводу ведущейся белогвардейской печатью антисоветской пропаганды было дано распоряжение произвести полное и тщательное расследование. Китайская сторона соглашалась, что «если белогвардейские газеты еще будут продолжать помещать несоответствующие рассуждения, то, конечно, необходимо это прекратить и не слушать подстрекательства». Китайские власти также уверяли советских представителей, что «Китай совершенно не имеет намерения защищать или покровительствовать белым»²⁷.

Китайская сторона приводила в пример дело 14 белых эмигрантов, которые, имели намерение пробраться в Благовещенск, чтобы там взорвать советские казармы. По получении данных сведений, Бинцзянское управление полиции произвело арест и начало следствие. Такие обстоятельства, по мнению китайского руководства, удостоверяли, что оно действительно проводило меры к прекращению деятельности белых, «совершенно не имея намерения допускать их выступления или покровительствовать им», о чем «с полной решительностью» уверяло правительство Советского Союза²⁸.

Однако 21 октября 1930 г. был издан приказ начальника полиции Особого района Маньчжурии, согласно которому объявлялось, что служащие полицейского управления — русские эмигранты — давно уже приняты в китайское подданство и рассматривались наравне с китайскими гражданами. Поэтому все их действия должны руководствоваться только китайскими правительственными распоряжениями. Вместе с тем, малейшее уклонение от этих распоряжений и содействие каким-либо партиям при состоянии на китайской службе не допускались именно для того, чтобы «избежать расстройств международных отношений»²⁹.

Китайская сторона утверждала, что подобные распоряжения делались уже неоднократно. Но, по некоторым данным, отдельные служащие все же оказывали содействие белым. Тем не менее, произведенное по инициативе китайской стороны расследование доказательств этого не обнаружило. Было принято решение подтвердить прежние распоряжения для того, чтобы не допустить таких действий в дальнейшем. Кроме того, китайское руководство обязалось принимать серьезные меры: «если в будущем обнаружатся случаи, когда служащие, несмотря на переход в китайское подданство будут пристрастно относиться к правым или левым партиям, или оказывать им содействие, то виновные будут немедленно увольняться и исключаться из китайского подданства»³⁰. Более того, «наиболее виновные» должны были выселяться из пределов Китая. Приказ обязали довести до сведения русских эмигрантов, служащих в китайской полиции и принявших китайское подданство³¹.

Советское руководство понимало, что в данной ситуации нельзя обойтись паллиативными мерами, что пресечь деятельность белых организаций можно только серьезными мероприятиями. Консулы продумывали вопрос о предъявлении китайцам требований для окончательной парализации антисоветской работы белых, находящихся в Маньчжурии. При этом они стремились учесть опыт этой работы в прошлом и настоящем и позицию китайских властей.

Решение предложил консул СССР на станции Пограничная Д.А. Егоров. Он считал необходимым удаление из Особого района Маньчжурии всех эмигрантов — беспод-

данных и даже принявших китайское подданство, а также предлагал сделать эту зону запретной для их пребывания «на все время совместного управления КВЖД СССР и Китаем». Только это мероприятие, по его мнению, должно было дать необходимый эффект³². При этом консул понимал, что разговор с китайцами по этому вопросу будет непростым, учитывая их вполне возможное сопротивление. Однако он рассчитывал, что с их стороны отношение к белым изменилось и, учитывая «наступившее разочарование в их действительной полезности», надеялся, что они на это пойдут, тем более, учитывая объективную обстановку, создавшуюся в Китае³³.

При этом консул был убежден, что в этом вопросе китайские власти не смогут предъявить претензии по поводу нарушения суверенитета Китая и лишения прав убежища политических эмигрантов: «Мы ведь не ставим вопрос об удалении белых со всей территории Китайского государства, а только из той части, на которой в силу особых причин, СССР и Китай работают совместно и, на которой пребывание эмигрантов, как показал опыт, является весьма вредным и опасным для нормального и дружественного сотрудничества»³⁴. Кроме того, поскольку китайцы сами считали этот район Особым районом, следовательно, в нем допустимы и особые исключительные правила, порядки и ограничения. Да и «для убежища белых в Китае, кроме Особого района, имеется достаточно много территории»³⁵. Егоров предполагал, что особенное упорство китайские власти могли оказать в отношении белых, принявших китайское подданство. Однако для советских властей именно эти «подданные» являлись самым опасным элементом, так как вели еще «более вредную работу, чем простые эмигранты», поэтому их оставление в Особом районе считалось неприемлемым для СССР. Консул предлагал добиваться их немедленной высылки: «если оставить белых “подданных”, то ровно через неделю все белые эмигранты станут тоже “подданными” (здесь это делается просто и быстро)»³⁶.

Предъявление китайской стороне подобного требования, по мнению Егорова, не шло вразрез с политикой СССР на Востоке, кроме того, требование предъявлялось «не для наступления, а в целях обороны». Китайское руководство не должно было истолковать это как агрессию, сравнивая ее с агрессией империалистических держав. В своей записке Л.М. Карахану Егоров писал: «только таким путем мы можем ликвидировать работу белых в приграничной полосе Дальнего Востока. Другие, более мелкие мероприятия, как выдача или высылка отдельных руководителей белых организаций из пределов Маньчжурии, реальных результатов не дадут. Высланные вглубь Китая белые руководители, имея в полосе линии КВЖД рядовую эмигрантскую массу, они не менее успешно будут руководить ею издалека»³⁷.

Уклончивость китайских властей в вопросе ликвидации белых отрядов на советско-маньчжурской границе и манипуляции правовым статусом эмигрантов иногда приводили к совершенному абсурду. В «сводной политической информации за 1-ю декаду сентября» от 10 сентября 1930 г. Д.А. Егоров, характеризуя общее положение, отмечал «коммерческие» способности жены начальника поселковой полиции, которая открыла здесь «гостиницу» на десять номеров, где предоставлялось право «экстерриториальности» беженцам из СССР, разумеется, имеющим деньги, на все время пока они не выберут и не оплатят соответствующих китайских документов, дающих им звание «китайских подданных»³⁸.

В то же время в китайских учреждениях, где состояли на службе белые, главным образом, в железнодорожной и поселковой полициях, происходили чистка и отбор. Белые, не внушающие доверия, увольнялись и заменялись надежными и «преданными»³⁹. Однако это не решало проблему, так как преданность, разумеется, определялась по отношению к китайским властям.

Лавирование китайского руководства в решении приграничных вопросов, связанных с деятельностью эмигрантских отрядов и манипуляции гражданством в отношении представителей русской военной эмиграции продолжались вплоть до оккупации

Маньчжурии Японией и образования Маньчжоу-Го. Такая политика свидетельствовала о том, что конфликт 1929 г. не исчерпал себя, в том числе на официальном уровне, а также о том, что вопросы правового положения русских эмигрантов оставались важным фактором советско-китайской дипломатии на Дальнем Востоке в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Рос. эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 300 с.; *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. 316 с. *Она же.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007. 220 с.; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск 2008. 268 с.; *Бочарова З.С.* «...не принявший иного подданства»: пробл. социально-правовой адаптации Рос. эмиграции в 1920–1930 гг. СПб, 2005. 251 с.; *Она же:* Эмигрантская периодика 1920–1930-х гг. о правовом положении русских беженцев // Периодическая печать российской эмиграции 1920–2000: Сб. ст. М., 2009. С. 158–173; *Инполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. 368 с.; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб. 2014. 378 с.; *Куликова Н.В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.): Дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.; *Лагодзинская Ю.С.* Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопр. рос. и междунар. права. 2012. № 3–4. С. 132–144; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М., 2007. 320 с.; *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. 431 с.; *А. Ван Чжичэн.* Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010; Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг.: Сб. науч. трудов. СПб., 2006.
2. Советско-китайский конфликт 1929 г. — военное столкновение на КВЖД, находившейся в совместном владении СССР и Китая. Китайские военные, возглавляемые Чжан Сюэляном, нарушили Мукденское и Пекинское соглашения о совместном управлении КВЖД и с помощью отрядов белоэмигрантов захватили ее. 17 июля 1929 г. СССР отозвал из Китая своих представителей. В ночь на 18 авг. 1929 г. китайские войска проникли на советскую территорию. Произошли столкновения на советско-маньчжурской границе, в ходе которых китайские войска потерпели поражение. Китайская сторона начала переговоры о перемирии. 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол о восстановлении на КВЖД и границе положения, предусмотренного советско-китайским соглашением 1924 г.
3. *Кормазов В.А.* Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 7. С. 25–31. С. 25.
4. *Лешко О.* Русские в Маньчжугу. Шанхай, 1937. С. 1.
5. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 321. Л. 28.
6. СОУ ОГПУ — Секретно-оперативное управление Объединенного государственного политического управления, образованное в январе 1921 г.
7. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ. Ф). 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 30.
8. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 321. Л. 28.
9. Там же.
10. Там же.
11. Хабаровский протокол 1929 — соглашение между СССР и Китаем, подписанное 22 дек. 1929 г. в Хабаровске и завершившее советско-китайский конфликт 1929. Согласно протоколу, восстанавливался статус-кво на КВЖД, совместно управляемой СССР и Китаем. Предусматривалось освобождение всех советских граждан, арестованных в Маньчжурии, и всех арестованных в СССР в связи с конфликтом китайских граждан. Китайская сторона обязывалась разоружить белогвардейские отряды на своей территории и выслать из Маньчжурии их руководителей. Хабаровский протокол 1929 г. установил мирное положение на советско-китайской границе. Интересно, что в своих воспоминаниях Чан Кайши считает, что советская сторона вынудила Китай подписать Хабаровский протокол, что свидетельствовало о том, «что СССР продолжал осуществлять в отношении Китая агрессивные замыслы царской России, несмотря на заяв-

- ние Чичерина 1918 г. и декларацию Карахана 1919 г.» — Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши) Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 77.
12. *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый истор. вестн. 2012. № 32. С. 66–83. С. 75.
  13. *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.): Сб. 2014. С. 282.
  14. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 148.
  15. Там же. Л. 149.
  16. Там же.
  17. *Аблова Н.Е.* Дальневосточная ветвь русского зарубежья. Минск, 2007. С. 114.
  18. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 149.
  19. Там же. Л. 128.
  20. Там же.
  21. Там же. Л. 129.
  22. Там же.
  23. Там же. Л. 130.
  24. Там же. Л. 131.
  25. Там же. Л. 132. («Известия» от 19.10.30. № 289).
  26. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 133.
  27. Там же. Л. 134.
  28. Там же.
  29. Там же. Л. 92.
  30. Там же.
  31. Там же.
  32. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 103. Д. 96. Л. 114.
  33. Там же.
  34. Там же.
  35. Там же.
  36. Там же.
  37. Там же. Л. 115.
  38. Там же. Л. 117.
  39. Там же.